

Денис Валентинович Брилев

СУФИЗМ В КРЫМУ ПОД ВЛАСТЬЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Denis Brilyov

SUFISM IN CRIMEA UNDER THE SWAY OF RUSSIAN EMPIRE

In this article, I will examine the Sufism in the Crimea during the Russian sway. I will show the emergence and development of Sufism in the Crimean peninsula in the Golden Horde and the Ottoman period, as well as the status and position of the Sufi tariqahs in the peninsula at the time of the annexation of the Crimea by the Russian Empire. Based on eyewitness illustrations (primarily Russian travelers), I will consider the case of the Sufi tariqahs in the Crimea in the period from the end of the 18th to the early the 20th century, that is during the rule of the Russian Empire in the peninsula.

Обращаясь к проблеме распространения суфизма в Крыму под властью Российской империи, следует отметить крайнюю скудость исследований в этом направлении — сравнительно с другими историческими периодами. К примеру, активно изучается история суфизма в Крымском ханстве. Среди исследователей, занимающихся этим вопросом можно упомянуть Наримана Абдульвапова, Олексу Гайворонского, Евгения и Леонида Бахревых, Тимура Усеинова, Ленару Иззетову, Михаила Якубовича. Широко представлены соответствующие исследования и в Турции, которая по части суфийского теоретического и литературного наследия располагает весьма значительным потенциалом. Как отмечает Н. Абдульвапов, турецким исследователем Мустафой Ашкаром в журнале «Тасаввуф» за сентябрь 2000 г. был опубликован библиографический

список диссертационных исследований, осуществленных за последние полвека в Турции (в основном, на богословских факультетах ряда ведущих университетов): количество исследований составляет 414 диссертаций, из них 178 — докторских¹.

При этом, как было отмечено ранее, суфизм в Крыму периода Российской империи крайне слабо изучен. К примеру, говорить об исследованиях суфизма в Крыму в самой Российской империи вообще не приходится, хотя в целом исследования этого феномена велись. Достаточно вспомнить работы известного российско-украинского востоковеда Агатангела (Агафангела) Крымского, к примеру его «Очерк развития суфизма до конца III в. Хиджры»² (1896).

Исследования, касавшиеся суфизма непосредственно на территории империи, были в основном посвящены феномену мюридизма — это и статья Н. Ханыкова «О мюридах и мюридизме»³ (1847), М. Казым-Бека «Мюридизм и Шамиль»⁴ (1859), работа А. Руновского «Записки о Шамиле»⁵ (1860). Ряд работ туркестанских чиновников и исследований были посвящены суфизму в Средней Азии — это работа Н. Веселовского «Памятник Ходжи Ахрара

¹ Абдульвапов Н. Актуальные проблемы изучения суфизма в Крыму // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского, 2005. Т. 18(57). С. 179-192.

² Крымский А. Очерк развития суфизма до конца III в. Хиджры. // Сб. «Древности восточные», Труды восточной комиссии императорского московского Археологического Общества, Том 2, Выпуск 1. Москва, 1896. С. 28-73.

³ Ханыков Н.В. О мюридах и мюридизме // Сборник газеты «Кавказ», 1847. Т. I. С. 136-156.

⁴ Казым-Бек. М.А. Мюридизм и Шамиль // Русское Слово, 1859. № 12. отд. 1. С. 182-242.

⁵ Руновский А. Записки о Шамиле. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1860. 206 с.

в Самарканде»¹ (1895), Н. Маллицкого «Ишаны и суфизм»² (1898), Н. Лыкошина «Роль дервишей в мусульманской общине ташкентских туземцев»³ (1899), Ф. Михайлова «Религиозные воззрения туркмен Закаспийской области»⁴ (1900), В. Наливкина «Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края»⁵ (1900), А. Семенова «Мусульманский мистик и искатель бога X-XI вв. по Р.Х. (странички из великого прошлого Закаспийского края)»⁶ (1905).

Имелись и попытки более обобщенно взглянуть на феномен суфизма — в частности, известная работа П. Позднева «Дервиши в мусульманском мире» (1886). В ней автор указывает на существование суфизма (дервишества) в пределах Российской империи: «...дервишество в России имеет множество последователей между нашими татарами и преимущественно в тех местностях России, где особенно много мухаммедан»⁷. При этом он указывает на существование суфиев в Средней Азии, Казанской

¹ Веселовский Н. Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде // Восточные заметки. Отд. отт. СПб., 1895. С. 321-335.

² Маллицкий Н. Ишаны и суфизм // Туркестанские ведомости. 1898. С. 71-72.

³ Лыкошин Н.С. Роль дервишей в мусульманской общине ташкентских туземцев (с приложением «Ишаны ташкентские») // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т.7. Ташкент, 1899. С. 94-115.

⁴ Михайлов Ф. Религиозные воззрения туркмен Закаспийской области. // Сборник материалов по мусульманству. Т. II. Ташкент, 1900. С. 87-103.

⁵ Наливкин В.П. Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края // Сборник материалов по мусульманству. Т. II. Ташкент, 1900. С. 131-147.

⁶ Семенов А. Мусульманский мистик и искатель бога X-XI вв. по Р.Х. (странички из великого прошлого Закаспийского края). Асхабад: Паровая типография газеты «Асхабадъ». 1905. 57 с.

⁷ Позднев Д. Дервиши в мусульманском мире. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1886. С. 76.

губернии, Оренбурге, на Кавказе — и совершенно игнорирует Крым и крымских суфиев.

По мнению Керстин Йобст, признанная в мире российская и советская ориенталистика почти не интересовалась мусульманским населением Крыма. Нечто подобное можно сказать и о русской историографии: ключевые фигуры, как Соловьев или Ключевский, были равнодушны к истории крымских татар после падения Крымского ханства в 1783 г. В обзорных работах по русской истории XIX в. Крым обычно рассматривали только в контексте общей политики в отношении национальностей. Это свидетельствует об интеллектуальном обращении с нацией, которая некогда имела высокий статус и которую когда-то опасались, и которая теперь перестала быть самостоятельным фактором политики. К тому же, это подтверждает политическую практику, при которой Крым был лишь одной из частей империи, пусть даже очень значимой частью¹. Как указывает исследовательница, более или менее систематически изучением крымскотатарского населения занимались только в течение двух периодов: нескольких десятилетий сразу по аннексии (П.П. Паллас и П. Сумароков), а также после Крымской войны (1853-1856).

В данной статье я рассмотрю ситуацию с суфизмом в Крыму в период пребывания Крыма в составе Российской империи, прослежу появление и развитие суфизма на Крымском полуострове в золотоордынский и османский период, а также состояние и положение суфийских тарикатов на полуострове на момент аннексии Крыма Российской империей. Основными источниками исследования являются свидетельства очевидцев (преимущественно записки путешественников).

¹ *Jobst K.S. Die Perle des Imperiums. Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. Konstanz: UVK, 2007. S.177.*

Первые тарикаты в Крыму

Появление и начальный этап распространения суфизма в Крыму связаны с появлением и распространением в Крыму ислама в целом, и приходится на вторую половину XIII в. Даже при самом поверхностном ознакомлении роль суфизма в соответствующих процессах представляется достаточно значимой и даже символичной. Более того, именно представителям различных дервишеских групп суждено было стать основными героями процесса активного распространения ислама в Крыму во второй половине XIII в.¹

Говоря и об исламе и о суфизме в Крыму, следует несколько слов сказать о крымских татарах. Этот этнос сформировался в результате слияния мигрировавшего в Крым кочевого тюркоязычного населения и оседлых жителей горных и прибрежных частей полуострова (тавров, греков, аланов, готов и др.). Тюркоязычные группы проникали в северную часть Крыма из причерноморских степей (гунны, тюрко-булгары в VII-VIII вв., печенеги и половцы в XI-XII вв., различные группы татаро-монголов — в XIII в.). Южное побережье было частично тюркизировано во время сельджукских завоеваний XI-XII вв. В 1221-22 гг. войскам сельджукского правителя Коньи султана Кайкубада I удалось занять Судак. В городе построили мечеть и назначили кадия, хатыба, муэдзина. Однако перед вторжением монголов сельджуки покинули полуостров. В 1239 г. войска хана Батыея завоевали степную часть полуострова и включили ее в состав Золотой Орды в качестве улуса².

¹ Абдульванов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79. С. 143.

² Бойцова Е.Е. Роль ислама в этногенезе крымских татар // Культура народов Причерноморья. № 71 (1999). С. 73.

Именно суфиям принадлежит заслуга обращения в ислам золотоордынских предков современных крымских татар в этот период. Так, хан Берке (1255-1266 гг.) — младший брат знаменитого хана Бату (Батыя), пятого правителя Золотой Орды, первый хан-чингизид, принявший ислам, был обращен суфийским шейхом Сейф ад-Дином ал-Бахарзи, учеником Наджм ад-дина Кубра¹. Другой чингизид — хан Узбек (1313-1342 гг.), при котором ислам стал государственной религией, принял ислам от йасавийских шейхов Зенги-Ата и Сейид-Ата².

К этому же периоду относятся одни из ранних упоминаний суфийского присутствия на самом Крымском полуострове — в географическом сочинении выдающегося исламского путешественника Ибн Батуты, который посетил Крым в первой половине XIV ст.:

Мы остановились в ските, старшиною которого (шейх-) заде Эльхорасани. Шейх этот обласкал нас, приветствовал нас и оказал нам радушный прием. Он пользуется у них большим почетом. Я видел приходивших к нему на поклон людей: кадиев, хатыбов, правоведов и др.³.

Как можно судить по *нисбе* «Хорасани», шейх происходил из Хорасана, территории возникновения и распространения многих среднеазиатских тарикатов, прежде всего — *йасавийа*. И это неудивительно, ведь в середине XIII в. в результате массовых переселений, связанных в первую очередь с монгольским продвижением на Запад, в Крым стекаются представители различных

¹ Кныш А. Мусульманский мистицизм: краткая история. СПб.: Дия, 2004. С. 271.

² Бахревский Л.В. Тарикат Ясавийа и Крым. Сулейман Бакыргани: дастаны и хикматы. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. С. 8.

³ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Санкт-Петербург, 1884. С. 281.

дервишеских групп, объединяемых обычно в религиозно-суфийское движение *бабаи* (от тюрк. *баба* — отец, глава). Приходили они, в основном, с территории Средней Азии (Бухара), а также ряда религиозных центров на территории нынешних Афганистана и Ирака. Помимо непосредственно членов института *бабаи*, в это движение входили представители ряда тарикатов, прежде всего — йасавийа. Один из наиболее известных представителей движения Сеййид Сары Салтук Баба (ум. в 1293 или в 1296 г.) являлся последователем шейха Ахмеда Йасави, и именно по указанию своего учителя отправился на запад с миссией распространения ислама на территориях Малой Азии и близлежащих регионов Европы¹.

Одновременно с представителями тариката йасавийа в Крым попадают и представители других тарикатов, прежде всего — мевлевийа. Например, дервиши, возглавляемые Сары Салтуком, прибыли в Крым с одним из последних сельджукских правителей (султанов) Рума Изеддином Кейкавусом II (1238-1278), который в середине 1260-х гг. был приглашен в Крым ханом Берке. Берке пожаловал султану два города — Солхат (Старый Крым) и Судак. Кейкавус был мюридом легендарного суфия и поэта Джеляледдина Руми (1207-1273). Довольно длительный период проживания Кейкавуса в Крыму дает основания предполагать, что имя Руми и его суфийское творчество могли стать известными в Крыму уже при жизни поэта².

Важное место в истории крымского суфизма (и ислама в целом) занимают «четыре очага» (*дёрт оджак*), представлявших собой четыре селения суфиев. Селение Колеч находилось недалеко от Кафы, селение Чуюнджи

¹ Абдульванов Н. Актуальные проблемы изучения суфизма в Крыму // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского, 2005. Т. 18 (57). С. 182-183.

² См.: Там же, с. 183.

— возле Ак-Месджита (Симферополь), Качы — в долине одноименной реки, селение Ташлы — в степном Крыму (нынешний Красногвардейский район). Османский историк Сейид Мухаммад Реза сравнивает «четыре очага» с четырьмя столпами государственного престола Крымского ханства, поскольку выходцы из этих «очагов» часто занимали ключевые государственные посты в Крымском ханстве. Кроме того им принадлежали вакуфные земли, различное недвижимое имущество, а также многие привилегии. При этом все суфийские обитатели (*текке*) полуострова находились в некоем подчинении духовным руководителям «очагов»¹.

Возможно, самой информативной работой, касающейся крымских суфиев в период Крымского ханства является «Сейахатнаме» османского путешественника и суфия Эвлии Челеби. О суфиях Эвлия говорит уже во вступительной главе о Крыме и крымских татарах:

... Здесь есть также сословие учёных и праведников, *шейхов* и *суфиев*. Как пишет *везирь* Сефер Гази-ага, их до сорока тысяч, единобожников-суфиев братств *хальвети* и *джальвети*. На Крымском острове находится всего двадцать одна тысяча соборных и квартальных мечетей. В этих храмах ночью и днём татарские *суфии* предаются молитве и *зикру*. Там очень много мужей единобожия и мистического пути².

В Гезлеве (современная Евпатория) Эвлия насчитал 3 *текке* (тарикатов *хальветийи* и *джальветийи*), лучшее из которых, по его мнению, принадлежало халифе Ахмеда-эфенди

¹ Бахревский Л.В. Тарикат Ясавийа и Крым. Сулейман Бакыргани: дастаны и хикматы. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2015. С. 31.

² Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)/ Вступит. статья, перевод с османского языка, комментарии Е.В. Бахревского. Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008. С. 31.

из селения Колеч (Колечли). В селении Качи Эвлия гостил в текке святого (*азиза*) Хызра Шаха-эфенди, у которого, по указанию Эвлии, насчитывается 40 тысяч мюридов. В пригороде крепости Инкерман Эвлия посетил гробницу хальветийского шейха Якуба-эфенди, о котором говорили, что он достиг степени кутба. Гробница располагалась возле соборной мечети, в которой постоянно находились суфии. В Бахчисарае Эвлия насчитал 9 текке, среди которых крупнейшим суфийским центром была соборная мечеть Сахиб Герай-хана. В Карасубазаре (Белогорск) находилось 4 текке, названия которых Эвлия не указывает. В Кафе (Феодосии) Эвлия насчитал 7 суфийских текке — братств *хальветийа*, *джальветийа*, *кадирийа*, *гульшенийа* и *йасавийа*. Одно текке Эвлия видел в Керчи, но о нем не сообщает никаких подробностей. В Ак-Месджите (Симферополь) Эвлия обнаруживает 3 текке братств *хальветийа*, *колечли* и *чююнчили*. Также Эвлия сообщает о приверженности суфийскому учению представителей ханской династии, в частности Хаджи Герая, Селим Герай-султана и Мухаммеда Герай-хана IV, принадлежавшего к братству *мевлевийа*¹.

Таким образом, данные «Книги путешествия» Эвлии Челеби указывают на широкое распространение суфизма в Крыму в XVII в., наличие огромного числа его последователей во всех классовых прослойках крымского общества. Суфийские братства функционировали, по меньшей мере, в наиболее значительных городах Крыма, во многих селениях.

¹ Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Вступит. статья, перевод с османского языка, комментарии Е.В. Бахревского. Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008. 208 с.

Под властью Российской империи

После присоединения Крыма к владениям Российской империи манифестом Екатерины II 19 апреля 1783 г. в положении суфиев и в целом крымских татар на полуострове произошли определенные изменения. Несмотря на то, что крымским татарам гарантировалась защита их имущества, храмов и традиционной веры (т.е. ислама), в реальности дело обстояло несколько иначе.

Численность крымскотатарского населения на полуострове неуклонно сокращалась, что также влекло за собой и постепенное исчезновение суфийских институций. Как отмечают российские исследователи Михаил Губогло и Светлана Червонная, доля крымскотатарского населения в Крыму уже с конца XVIII в. начала резко падать: сотни тысяч крымских татар, стремясь сохранить свою веру и традиционную культуру, искали спасения в Турции: в различных источниках речь идет сначала о 300 тысячах, а затем еще о 200 тысячах — всего о полумиллионе вынужденных эмигрировать на «белые земли Анатолии» крымских татар. Принцип империалистической политики русского царизма «Крым — без крымских татар!» сформулировался задолго до того, как этот принцип попыталась последовательно претворить в жизнь безжалостная машина сталинского тоталитарного государства¹.

По утверждению Амета Озенбашлы, за 130 лет господства русского самодержавия в Крыму от четырехмиллионного, компактно проживающего татарского населения в Крыму осталось на склонах гор около 150 тысяч, масса крымских татар покидала свою родину отнюдь не добровольно, а под нажимом царской администрации, стремившейся «очистить Крым от туземцев»².

¹ Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение. Том I. История. Проблемы. Перспективы. М., 1992. С. 70.

² См.: Там же, с. 126.

Также необходимо учитывать особенности религиозного законодательства Российской империи в отношении суфиев, к которым российские власти относились с опаской. Достаточно вспомнить Положение Комитета Министров от 18 февраля 1836 г., которым было запрещено допускать на территорию России дервишей как лиц, которые могут иметь большое влияние на российских мусульман:

Высочайше утвержденными положениями Азиатского Комитета от 15 марта 1832 г. и 5 декабря 1834 г. воспрещено всехзаграничных азиатов из стран средней Азии (в том числе и дервишей), идущих на поклонение в Мекку, пропускать чрез внутренние наши губернии. Цель сих постановлений состоит в том, чтобы пресечь их связи с нашими подданными, которые из опыта оказались вредными, т.к. азиаты эти, особенно дервиши, вместо того, чтобы идти в Мекку на поклонение, останавливались у нас в местах, населенных Магометанами, возбуждали в сих последних фанатизм и поселяли всякие возмутительные правила. По сему Граф Нессельроде, руководствуясь смыслом вышеизложенных документов, полагает, что и в просьбе дервишей о принятии их в подданство России следует отказывать, т.к. подобные с их стороны домогательства — не что иное, как предлог, чтобы иметь возможность оставаться беспрепятственно в наших пределах <...> Граф Нессельроде¹ находит полезным отклонять такие их просьбы и отнюдь не принимать дервишей в наше подданство по следующим причинам. Во-первых, это люди праздные, вся жизнь которых состоит в бродяжничестве и обманах, вредных и тягостных для общества. Во-вторых, эти люди по званию своему и набожности, которую на себя накидывают, могут иметь большое влияние на умы наших

¹ Карл Роберт фон Нессельроде (1780-1862) — русский государственный деятель немецкого происхождения, предпоследний канцлер Российской империи. На момент принятия указанного документа — вице-канцлер.

Магометан, которое они всегда употребляют во зло, проповедуя между ними ненависть к христианам и к самому правительству. Таким образом они хотят приобрести доверие своих единоверцев и возможность жить за их счет¹.

Однако крымских суфиев это положение касалось в меньшей степени по той причине, что они были подданными Российской империи и оставались неотъемлемой частью исламских институтов в Крыму. Более того, крымские суфии — точнее, шейхи тарикатов, — включались в список мусульманского духовенства, что превращало их в отдельный слой общества, и наделяло официальным статусом и определенными привилегиями, в частности, освобождением от некоторых повинностей и налогов².

После присоединения Крыма к Российской империи в силу ряда причин в первые пятьдесят лет исламские религиозные институты продолжали функционировать по сложившейся традиции без каких-либо изменений. Вскоре после издания Манифеста Екатерины II от 8 апреля 1783 г. о присоединении Крыма к России, которым исламские институты были интегрированы в политико-правовое пространство империи, было проведено камеральное описание Крыма, которое зафиксировало наличие 1 518 мечетей, 21 текке, 25 медресе и 26 мектебе. Спустя более ста лет, в 1891 г., суфийских текке насчитывалось уже не менее 23, однако этот прирост произошел за счет опустевших зданий мечетей или медресе.

Самым ранним описанием суфиев в уже российском Крыму можно считать рукопись Жильбера Ромма,

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1836. СПб, 1837, Т. 11, Отделение 1, С.133-134 (№ 8881).

² Загидуллин И. Институты суфизма в Крыму // Суфизм как социокультурное явление в российской умме: материалы Всероссийской научно-практической конференции, (Казань, 21 ноября 2006 г.). Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. С. 201

известного французского политического деятеля, активного участника Великой французской революции. С 1779 по 1786 гг. он жил в России, был воспитателем Павла Строганова, сына екатерининского вельможи, графа А.С. Строганова. Вместе со своим воспитанником совершил ряд путешествий по России, в том числе и в Крым — в 1786 г. Путевые записи Ромма были изданы Ксенией Раткевич в 1941 г. Ромм так описывал встреченных им суфиев:

Разместившись по кругу на циновках, покрывавших весь пол, дервиши заунывно пели, покачиваясь и склоняя голову то направо, то налево, и мерно двигаясь по кругу, скрестив на груди руки... После того как они походили так по кругу, один из них, которого называли шейхом, или начальником, вышел на середину и принялся испускать вздохи, постепенно все усиливая их и усиливая, покачивая туловищем и головой вправо и влево и поворачиваясь кругом; к нему присоединился другой, третий и т.д., так что посреди большого круга образовался малый круг возносящих вздохи; тогда пение стало раздаваться только время от времени, и слышны были одни лишь размеренные и ритмичные рыдания малого круга, но большой круг все продолжал двигаться, покачивая головами так же, как и рыдавшие. Вздохи временами стали переходить в резкие или тяжкие вскрики, как у людей, у которых от великого порыва скорби перехватывает дыхание, и они, чтобы облегчить грудь, производят длительный выдох. Этот приступ рыданий тянется довольно долго и повторяется в течение богослужения несколько раз. Такой тягостной и варварской церемонией они возбуждают себя, и время от времени кто-нибудь из них вскрикивает: «Алла, Алла, Алла!» таким тоном, как будто говорит: «мужайтесь, братья!» Время от времени кто-нибудь из них ударяет в ладони, и рыдания, все продолжаясь, становятся такими громкими, что их слышно на улице.

...Тот из этих несчастных, которому... удастся привести себя в состояние наиболее сильного возбуждения, начинает

с величайшей быстротой кружиться на одной ноге посреди круга, сначала скрестив руки на груди, затем, удвоив ревностные свои усилия, начинает бить по воздуху обеими руками, как будто для того, чтобы еще быстрее кружиться; с него падает головной убор, сваливается более свободная часть одежды, ткань его тюрбана спускается ему на плечи. Этот беспорядок в одежде служит наилучшим выражением его энтузиазма. Не обращая на это обстоятельство ни малейшего внимания, остальные стараются еще сильнее его разгорячить; он продолжает так до тех пор, пока не начнет валиться с ног; тогда его поддерживают, кружась вместе с ним, рыдая и раскачиваясь. Наконец, очнувшись, он возвращается в круг и продолжает проделывать то же, что и все остальные в кругу. Иногда они кружатся по-двое, обнявшись так, как будто собираются вальсировать. Под конец они садятся на пятки опять-таки в круг, посредине — их начальник, или, за его отсутствием, старейший после него.

...Шейх подымается, и один из дервишей подходит, целует его в ладонь и становится подле него; другой проделывает то же, прикасается затем к руке первого дервиша и становится — около него; и так все по очереди: поцеловав руку шейха, каждый прикасается к руке тех, кто уже занял место, и сам становится в ряд с другими; так заканчивается эта своеобразная церемония, по поводу которой я не стану сейчас высказывать никаких размышлений¹.

Описанный у Ромма ритуал «вращающихся» дервишей представляет собой, судя по всему, *сема* — ритуал тариката *мевлевийа*, исполняемый членами братства в состоянии мистического наития (*иляхи джезбе*). Сема состоит из круговых вращательных движений, исполняемых в определенном порядке под аккомпанемент *нея* (флейты) и в сопровождении чтецов, как правило, рецитирующих мистические духовные стихи. Участников вращения называют

¹ Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 году. Л.: Изд-во ЛГУ, 1941. С. 40-41.

семазен; человека, который руководит радением, называют *семазен-баши*. Во время круговращений повторяется имя Аллаха. Раскрывая во время поворотов руки, *семазены* располагают их в виде арабской буквы «лам», то есть само их тело изображает собой слова молитвы «Ля илаха илля Аллах» («Нет Бога, кроме Аллаха»)¹. Встреча Роммом дервишей *мевлевийа* подтверждает тем самым наблюдения Челеби о широкой распространенности этого тариката в Крыму.

Также нужно учитывать, что после присоединения Крыма прошло всего 3 года, и еще не произошли те волны эмиграции, которые придут позже, особенно после русско-турецкой войны 1787-1791 гг., закончившейся Яским миром.

Что касается отношения к суфиям и, шире — мусульманам, то в своих записках этот представитель французского просвещения с возмущением отмечает факты насилия над религиозным чувством мусульман со стороны местных властей. Таким негодующим протестом отмечен, например, его рассказ о том, как генерал Каховский согнал татар в мечеть для того, чтобы дать представление другой путешественнице, находящейся в это время в Крыму — лэди Кравен², — о богослужении дервишей.

После джигитовки мы отправились смотреть священный танец дервишей, которым велено было собраться на молитву для удовлетворения любознательности именитой путешественницы. Дервиши повиновались, но как приняли они подобное приказание, с каким удовольствием выполняли его перед многочисленным

¹ Йёндемли Ф. Обучение в суфийском братстве мевлеви // Восточная коллекция. № 1 (2005). С. 111.

² Элизабет Кравен (Крейвен), графиня Беркли, маркграфиня Бранденбург-Ансбахская (1750-1828) — английская писательница и композитор.

обществом собак и неверных, один из которых приказывает им молиться богу и Магомету ради его забавы? Что касается меня, я был сильно возмущен этим злоупотреблением властью¹.

Другим ранним упоминанием о дервишах в российском Крыму являются путевые заметки упомянутой леди Элизабет Кравен, опубликованные ею в 1789 г. и переведенные на русский язык в 1795 г.² Путешественница в выраженном ориенталистском стиле описывает ритуал «верчения», характерный для представителей мевлевийа, зрительницей которого она стала:

Потом я пошла в мечеть, где было несколько богомольных мусульман. Они стояли кругом посреди мечети, и со вздохами ударяли о пол лбом, и вставали попеременно. Продолжая несколько раз такие телодвижения, и вертясь все одинаковым образом, многие из них упали в обморок, в котором валялись на землю. Их относили в отдаленные углы мечети, в которых складывают этих богомольных суеверов, посвящающих свое тело и время в доказательство набожности святому их Пророку. В этих действиях они часто произносят слово Алла, что означает Бог.

В одном из закоулков, о которых говорила, я видела человека, о котором мне рассказывали, будто бы он пробыл там 40 часов не пивши и не евши. Эти люди почитают такое воздержание действием благочестия, и если они оживотворяются вдохновением Пророка, то стараются выходя из темных и сырых своих убежищ, в которых по несколько часов пролеживают, опять прийти в упомянутый круг, и начинают делать такие же телодвижения; но от этого нового усилия они обыкновенно падают без чувств, и тогда-то их отвозят домой для восстановления истощенных их сил. Это суеверное притворство впечатлевает в народе сильное

¹ Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 году. Л.: Изд-во ЛГУ, 1941. С.39.

² Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году милади Кравен. М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1795.

уважение и пристрастие к тем, которые его отправляют. Я также возвратилась домой, будучи недовольна, как этими глупостями, так и нечистотою города. Мечеть снаружи очень дурна, а внутри представляет унылый вид, хотя впрочем и была освещена множеством лампад¹.

Упоминание о суфиях в Крыму после русско-турецкой войны 1787-1791 гг. встречается у Павла Сумарокова² в его «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году». В 1800 году в Москве в Университетской типографии у Ридигера и Клаудия увидело свет описание этого путешествия — книга небольшого формата, состоящая из 246 страниц, без иллюстраций. Сочинение П. Сумарокова носило краткий и ознакомительный характер, содержало историческое и топографическое описание тех мест. Вот что пишет о своем знакомстве с местными суфиями Павел Сумароков в этом «Путешествии...»:

Сперва началась общая молитва; татары, стоявшие правильными рядами, падали на колена, шептали, смотря в руки, поглаживали бороды, иногда вставали, кричали все вместе, и все это выполнялось с большим благочестием. По окончании этого, собравшиеся дервиши человек 20 уселись на полу в кружок, пели быстрым напевом, одни какие-то слова, и голоса их заметно возвышались. Потом они все вдруг встали, некоторые напевали быструю песнь, другие же захрипели особым образом очень громко, и все кивали беспрестанно головами в такт по сигналу, который рукой подавал их глава; неожиданная мною странная согласованность заставила меня содрогнуться. После этого напев изменился на протяжный, за которым последовал уже очень быстрый; и тогда один из них только пел, а прочие стали опять хрипеть с таким исступлением,

¹ Указ.соч. С. 279-280

² Павел Сумароков (1767-1846) — русский чиновник и литератор, с 1802 г. был назначен членом Комиссии по спорам о землях в Крыму, с 1807 г. — витебский губернатор, а с 1812 г. — новгородский губернатор.

что глаза их уходили под лоб, пена показалась из уст их, и чем больше старший ударял припрыгивая в ладони, тем более они напрягали свои силы в этом хрипении. Наконец они измученные утихли, и все закончилось странным возгласом¹.

Встреченные им суфии, по-видимому, принадлежали к тарикату *йасавийа* и практиковали специфический, присущий только этому тарикату «зикр пилы» (араб. *зикр миншар*, перс.-тюрк. *зикр-и арра*). Другие названия — *зикр-и арра-йи марратан* (многократно повторяемый зикр пилы), *зикр-и Хува* (по чаще всего используемой формуле ха-ху — искаженной форме от хайй-Хува). Этот зикр считается наиболее распространенным видом громкого зикра в Средней Азии, прежде всего в братстве йасавийа. Считалось, что *зикр-и арра* предпочел Хаджа Ахмад Йасави, который будто бы научился исполнять его у пророка Хидра и у святого праведника Закарийа².

«Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» стало не единственным путешествием вельможи по этим землям — вскоре после публикации своего первого труда П. Сумароков был назначен судьей в так называемую Крымскую комиссию, созданную для решения земельных вопросов. По долгу службы он регулярно посещал Крым, в результате чего им было написано следующее сочинение — «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» в двух частях, которые были изданы в Санкт-Петербурге в Императорской типографии с интервалом в два года: книга 1 — в 1803 г., книга 2 — в 1805 г. Во втором

¹ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1800. С. 135-136.

² Бабаджанов Б. Зикр джахр и сама': сакрализация профанного или профанация сакрального? // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / сост. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М.: Восточная литература, 2003. С. 239-240.

своем путешествии Сумароков вновь вернулся к теме дервишества.

Новая сцена открылась 8 дервишами, которые составили из себя кружок посреди мечети, а за ними расположился еще больший круг из желающих. Все они переваливались с одной стороны на другую, и беспрестанно кивая головами двигались по солнцу... Многолюдное собрание начало хрипеть о все горло, по крайней мере на полчаса, что напоминало мычание диких зверей, и порождало ужас. Хрипота постепенно учащалась под веселый напев одного приплясывающего, некоторые из них ездили в том хороводе на коленях, размахивая в исступлении руками, будто бы в драке, а лишённые сил хрипящие падали по одиночке в кучу, которую руководители обряда прикрывали одеждами. Эта странность вывела за собой другую иного рода. Выступили вертуны, которые вертелись в одну сторону, без остановки, с большой скоростью, минут по семь, и также падали от изнеможения¹.

Как можно судить по описанию зикра, вероятнее всего, Сумарокову встретились представители двух тарикатов, распространенных в Крыму и ранее — уже знакомые ему по первому путешествию *йасавийи*, а также широко представленные в Крыму *мевлевийи*.

Кроме описания самого ритуала зикра Сумароков дает свое определение дервишества и описание местных суфиев:

Дервиши, род монахов, по сути все муллы, то есть особы духовного сана. Внешние их отличия состоят в том, что они, оставляя бороду, бреют усы, выставляют сзади волосы, носят одежду подобную рясе, держат пятисотные четки, а также воткнутую за пояс рукоятку с шипами, и они, в случае зуда, не смея прикасаться голой рукой к телу, используют эту рукоятку. Возглавляющий эту секту,

¹ Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Часть I. СПб.: Императорская типография, 1803. С. 144.

именуемый Шейх, принимает их по собственному согласию и обучает потом богослужению. Обязанность дервишей состоит в учащении прославления Бога, а с вечера четверга до утра пятницы, должны они в своем собрании выполнять молитвы, которые от согласованного и непрерывного хрипения горлом приводят в ужас, и заканчивается этот ритуал полным их изнеможением. Доход их складывается из произвольных подаяний посетителей мечети; впрочем обряд жизни их такой же как и у остальных мусульман¹.

Упоминания о суфиях в Крыму встречается и позднее — в конце XIX – начале XX вв. В 1904 г. во время своей поездки в Крым свидетелем суфийского зикра в Бахчисарае стал известный украинский общественный деятель и писатель Михаил Коцюбинский. Увиденное легло в основу его рассказа «Под минаретами». В самом рассказе и в личных заметках дано достаточно подробное описание суфийского ритуала:

Все подходят к шейху и принимают благословение, потом садятся в круг, шейх, в позе будды, в алтаре. Начинается групповое пение в медленном темпе. С <пр...> ритмическим ударением и очень выразительный, по-слогам — Иль-алла... Илля... Иль-алла-Илля. Сидят сгрудившись, серьезные, глаза опущены вниз, некоторые в такт покачивают из стороны в сторону головой... Шейх выходит, и его место занимает заместитель. Также поют. Дьяк читает молитвы. Но вот входит шейх и становится на своем месте. Все складывают руки на животе и становятся в тесный круг, плечо к плечу. Шейх начинает пение:

— Иль-алла-гелля-иля-ге — и все кругом двигаются пластично то в одну, то в другую сторону и кланяются шейху каждый раз. Все поют: иль-алла-гелля-иля-ге... Пение идет крещендо, захватывает, наполняет. Отдельные выкрики. Когда пение и темп достигают высшей ступени, шейх выдает тихий вздох: еге-е...

¹ См.: Там же.

Высокий тенор начнет петь красивую, мелодичную, почти весёлую <бодрую> песню, а тем временем все непрерывно низко кланяются шейху, и каждый раз истерически выкрикивают: э-гэ-лла-э-гэ-лла, все быстрее, все более дико, с затягиванием, будто всхлипывают, будто захлёбываются от плача. Так тянется минут 10-15. Соло поднимает голос, выкрикивает, подбадривает — э-гэ-лла, пение растёт крещендо, сливается в одно рычание, будто галька во время прибоя, дервиши начинают кланяться всем телом, они изгибаются в одну кривую линию, лица кривятся и бледнеют, пот катится, глаза закрыты, темп выкриков ускоряют, и уже слышишь только одно гал-гал-гай-гай-гай-гай... <крутят> и начинают просто гавкать. Головы отчаянно (чудовищно) <крутятся и в сторону> мотаются со стороны в сторону, кисти от фесок скачут... Все садятся кругом, больных втягивают в середину и прикрывают белым рядом (дерюгой). Тогда над больным начинают ещё сильнее крутить головами, и пока соло ведёт свою весёлую песенку, все неистово <кру...> мотают головами и непрерывно, без передышки кричат:

— Хай-гай... ай... гай... ай... гай... ай... гай... ай... хай... (Апогей). Поющий приходит в экстаз, ускоряет пение, хлопает в ладоши, ай-гай стаёт ещё стремительней, переходит в рычание, дикое, звериное. (Апогей). Дух святой сходит на больных. Они сбрасывают рядно и вылезают. А певчий поёт. Все встают <а тот поёт>, шатаются будто пьяные, лица изменённые, экстаз, лица искривлены, становятся в тесную кучу, обнимают друг друга, цепляются сзади руками — истерично кричат — га-<га...> га <га...->. Трут лбами, лицами, крутят невозможно головами, гавкают, как собаки, часто, громко: гав, гав, гав, гав... Экстаз до кульминационной точки... В конце утомлённые, расслабленные, тихими, жалостными голосами, подняв руки, вздыхают: аминь... аминь.. аминь... аминь... Трут лица руками, будто просыпаются. Шейх благословляет.

Кошмар¹.

¹ Коцюбинський М. Твори в семи томах. Том 2. Повісті і оповідання

На начало XX в. в Крыму осталось немного представителей суфизма, о чем, в частности, свидетельствует популярный в начале XX в. путеводитель Григория Москвича, в котором приводится информация о количестве суфиев, а также о времени проведения публичного зикра:

Другую достопримечательность Бахчисарая составляют «вертящиеся дервиши». Подобного зрелища в другом месте в России нельзя увидеть. Вертящихся дервишей можно видеть (с проводником) в мечети (текэ) на Азизе — по четвергам с 9 час. вечера. Церемония длится около 3 час. Доступ в текэ всегда всем свободен. Всех дервишей насчитывают до 200: делятся они на 4 ордена; вертящихся всего человек 40¹.

В своем путеводителе Г. Москвич приводит описание ритуала дервишей, данное одним из руководителей экскурсии воспитанников смоленской семинарии Ф. Ворониным в 1902 г., примечательное своим ярко выраженным ориенталистским и антимусульманским характером. Приведу наиболее выразительные моменты данного описания.

Адские завывания безумно молящейся толпы ураганом диких звуков пронесли под низкими сводами мечети... Восточная дикая обрядность в начале еще не очень пугает зрителя. Но постепенно движения молящихся становятся чаще, выкрикивания неистовее и громче... Сердце христианина, воспитанное на торжественно стройной обрядности, сжимается от ужаса и боли при этом зрелище... Такой ужасающий вой, такие дикие вопли и рев людей мог бы нарисовать только средневековый творец «Ада» — гениальный Данте. «И раздаются, будто псовый

(1897-1908). К: Наукова думка, 1974. С. 361-363.

¹ Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Издание 17-е. Одесса: Типография Э. Шмида (бывш. Шульце), 1908. С. 111.

вой, страдальцев крики» (VI, 19), — говорит он о мучимых грешниках. Эти слова вполне приложимы к разнузданной оргии извращенного религиозного чувства несчастных поклонников Аллаха¹.

Подтверждением сведений Г. Москвича о незначительной численности крымских суфиев может служить и более поздняя (1909) публикация Михаила Шевлякова в Историческом вестнике, который, упоминая о «вертящихся» дервишах, отмечал их малочисленность.

...Вертящиеся дервиши, несомненно, произведут очень сильное впечатление. Этих монашествующих магометан вообще немного, а в России небольшая их горсточка только и существует в Бахчисарае, где они имеют свою собственную, очень приземистую и невзрачную мечеть в пригороде, в местности, называемой Азиз и расположенной возле станции железной дороги. Для молитвы они тут собираются раз в неделю — в четверг поздно вечером — и молятся до самой полуночи... Богослужение дервишей заключается в произнесении громких гортанных звуков и в покачивании на месте всем туловищем и отдельно головой, с таким ежеминутно нарастающим ожесточением, что с зрителями случаются обмороки и едва ли вообще кто может наблюдать за этими людьми без головокружения и страшного подъема нервов. Их возбуждение легко передается наблюдающим и если сами они не валятся долгое время с ног, так потому только, что стоят в тесном кружке и крепко держат друг друга за руки. Но все-таки в конце концов и они не выдерживают своих тяжелых движений и падают на каменный пол, где сидя, поджав ноги, продолжают себя истязать раскачиванием головы из стороны в сторону до полного изнеможения. А у иных даже появляется у рта пена. И когда доведут себя до состояния полной невменяемости, и когда их отрывистое песнопение, заключающееся, кажется, в одном «алла-алла-алла», постепенно замрет под сводами

¹ Там же. С. 111-115.

древней мечети, наступает пятиминутный отдых. А затем снова поднимаются и опять становятся в кружок для того, чтобы вновь начать «вертеться». После третьего самоистязания, когда экзальтация их достигает высших пределов, а лица становятся белыми и глаза наливаются кровью, в мечеть начинают вносить тяжело болеющих мусульман. Их по очереди кладут на пол, в центр кружка. Дервиши снимают с себя мокрые от обильного пота халаты и набрасывают их на болящих, и затем с большим экстазом продолжают выкрикивать свое «алла-алла-алла» и вертеться до нового изнеможения¹.

При этом, описанный М. Шевляковым ритуал лечения больных во время зикра во многом совпадает с аналогичным описанием у М. Коцюбинского (см. выше).

Безусловно, утверждения М. Шевлякова о том, что в целом по Российской империи суфии остались только в Крыму (Бахчисарае), не соответствует действительности — достаточно вспомнить выдающегося суфия Урала и Поволжья шейха Зайнуллу Расулева (1833-1917) и его многочисленных мюридов среди поволжских татар и кавказских народов, а также суфиев Северного Кавказа и Туркестана. В то же время можно принять его информацию о немногочисленности крымских суфиев. При этом, если верить Шевлякову, суфийское текке осталось лишь одно — в Бахчисарае, тогда как за 17 лет до того, в 1891 г., суфийских текке в Крыму насчитывалось 23.

Заключение

Подводя итог своего исследования, хочу остановиться на основных моментах, связанных с существованием суфизма в Крыму в составе Российской империи. Прежде всего следует признать многочисленность и рас-

¹ Шевляков М. Крымская Азия. Бахчисарайские впечатления // Исторический вестник. № 30. 1909. Т. 7. С. 180-181.

пространенность суфиев среди крымских татар на момент включения Крыма в состав Российской империи в 1783 г. Более того, именно суфиям принадлежит основная заслуга в исламизации Крымского полуострова, и выходцы из суфийской среды впоследствии занимали ключевые посты в Крымском ханстве. Среди тарикатов, имевших распространение в Крымском ханстве, можно назвать прежде всего йасавийя, мевлевийя, хальветийя, кадирийя, гульшенийя, джалъветийя, а также два местных локальных братства — *колечли* и *чуюнчили* (предположительно ветви *фуру* накшбандийя).

В то же время ни ислам, ни суфизм в Крыму не стали предметом изучения российских ученых после присоединения Крыма. Фактически происходило игнорирование мусульманского населения полуострова и его мусульманской истории. При том, что исследования суфизма на территории Российской империи велись, хоть и не очень активно, и носили, главным образом, прагматический характер, связанный с политикой империи на своих южных рубежах. Более того, эти работы, по мнению А. Кныша, далеки от объективности, тенденциозны и нетерпимы, поскольку суфизм (*мюридизм* на Кавказе и *ишанизм* в Средней Азии) в них рассматривается как движение, представляющее опасность русскому господству¹. Однако даже в таком контексте суфизм в Крыму не стал предметом изучения академических исследователей. В то же время сохранились материалы путешествий, по которым можно восстановить определенную информацию об особенностях существования суфизма в Крыму периода Российской империи.

Опираясь на эти материалы, порой ангажированные, с выраженным ориенталистским восприятием, можно

¹ Кныш А. Суфизм // Ислам. Историографические очерки. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы издательства, 1991. С. 126-127.

говорить о том, что суфизм в Крыму продолжал существовать вплоть до первой четверти XX в., превратившись в чем-то в аттракцион для гостей Крыма, но оставаясь важной частью духовной жизни остатков крымских мусульман, отказавшихся от миграции. При этом к началу XX в. от некогда десятков действующих текке осталось лишь одно — в бывшей столице Крымского ханства Бахчисарае. Сохранившиеся суфии преимущественно принадлежали к двум тарикатам — мевлевийа и йасавийа, хотя некоторые авторы указывают на существование четырех тарикатов. При этом стремительное уменьшение численности суфиев Крыма можно связать с двумя факторами: религиозной политикой Российской империи и массовым исходом крымских татар (включая суфиев) в Османскую империю.

К сожалению, сохранившиеся описания суфиев Крыма рассматриваемого периода крайне немногочисленны, что не дает возможности полностью восстановить картину духовной жизни мусульман полуострова. Однако можно говорить о том, что суфизм оставался важной частью жизни крымских мусульман вплоть до начала советского периода.